

УДК 947

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.35-43

**СОСТОЯНИЕ ВОЛОСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЙ ГОД РЕАЛИЗАЦИИ
КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ**

А.А. Литвин, Т.С. Митрофанов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье анализируется общее состояние волостного самоуправления в Казанской губернии на начальном этапе реализации Крестьянской реформы 1861 г. Кроме того, описываются социальные условия, в которых проходила Реформа, а также настроения в крестьянской среде. Определены характерные черты осуществления крестьянами самоуправления и отправления волостного правосудия в первый год после отмены крепостного права. Источниковой основой исследования являются впервые введенные в научный оборот отчеты начальника Казанской губернии П.Ф. Козлянинова, направленные министру внутренних дел с июня по сентябрь 1862 г. Неподготовленность помещиков и должностных лиц, ответственных за проведение Реформы, спровоцировала волнения и превратное толкование положений Реформы. Несмотря на хаотичный характер проведения Реформы в первые недели и месяцы, анализ отчетов показал удовлетворительное состояние делопроизводства и организации волостного самоуправления на начальном этапе проведения Реформы в губернии. Основным недостатком, выявленным в ходе работы ревизоров, являлся низкий уровень качества судопроизводства в волостных судах. Данное обстоятельство, однако, не стало препятствием для роста популярности нового органа правосудия среди крестьянства.

Ключевые слова: Казанская губерния, Крестьянская реформа, волостное самоуправление, волостные суды, П.Ф. Козлянинов

Освобождение помещичьих крестьян от крепостного состояния сопровождалось учреждением в сельской местности новой системы самоуправления. Высочайший Манифест «О всемиростивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (далее Манифест), подписанный Александром II 19 февраля 1861 г., провозгласил создание волостных правлений в «значительных селениях», а также объединение мелких сельских обществ в одно волостное управление (ПСЗ2, № 36650). Одновременно с Манифестом императором были подписаны 17 законодательных актов, регламентирующих порядок освобождения крестьян, главным из которых являлось «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (далее Общее положение) (ОП). Манифест был обнародован 5 марта в Санкт-Петербурге и Москве, обнародование в других городах Российской империи осуществлялось до 2 апреля 1861 г. Губернатор Казанской

губернии П.Ф. Козлянинов 5 марта получил телеграмму от министра внутренних дел С.Н. Ланского следующего содержания: «Объявленный сегодня в обеих столицах Манифест дарования крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и указ Сената доставятся вам генералом-майором графом Апраксиным. Получив, распорядитесь немедленно обнародованием тем порядком, какой указан циркуляром моим 21 февраля № 5. Исполнение донести телеграфом» [1, с. 279]. К моменту обнародования положений Манифеста в Казанской губернии уже была образована губернская временная комиссия по крестьянскому делу, полномочия которой заключались в «предварительных распоряжениях по введению в действие новых положений о крестьянах» [1, с. 279]. В дальнейшем эта комиссия была преобразована в губернское по крестьянским делам присутствие. Вскоре после получения телеграммы была единовременно ассигнована «довольно значительная сумма на канцелярские расходы» [1, с. 279] губернской временной комиссии. После прибытия А.С. Апраксина в Казань 10 марта губернатор поручил направить во все церкви Казанской епархии 460 экземпляров Манифеста для немедленного обнародования [1, с. 280]. Таким образом, в Казанской губернии объявление положений Реформы проводилось в следующие сроки: 11 марта Манифест и Общее положение были объявлены в Казани, а начиная с 12 марта и в течение двух последующих недель – во всех уездах губернии [2, с. 399].

После обнародования Манифеста копии документа были доставлены в помещичьи имения Казанской губернии. С момента официального объявления положений Реформы и до получения крестьянами и должностными лицами полного текста документов могло пройти несколько недель. Так, согласно воспоминаниям Н.А. Крылова, управлявшего в то время имением в селе Мурасе, в Спасском уезде крестьяне получили пакет с документами лишь в конце марта (Кр., с. 94). В силу недостаточного количества копий документа рассылка Манифеста всем судебным следователям, уездным стряпчим, начальникам городской и земской полиции, а также другим должностным лицам губернии затянулась и была завершена лишь 5 апреля 1861 г. [1, с. 281]. Один запечатанный пакет с книгами Положения полагался помещику, а другой – крестьянам. Высочайше утвержденные Положения были сброшюрованы в 400-страничную книгу.

Зафиксированные Н.А. Крыловым события, интересные факты, а также настроения крестьян и помещиков в Спасском, Чистопольском и Лаишевском уездах наглядно передают царившую в сельской местности атмосферу. В частности, Н.А. Крылов сообщал, что временнообязанные крестьяне губернии долгое время не могли понять суть положений Реформы. Неграмотность и незнание основ законодательства приводили к возникновению недоразумений и ошибочных толкований статей Положения и Манифеста (Кр., с. 95–100). Как вспоминал сам Н.А. Крылов, лично объяснявший крестьянам суть нововведений, «самое вразумительное и ясное чтение для них совершенно непонятно» (Кр., с. 91). Объяснив смысл прочитанного своими словами, Н.А. Крылов столкнулся с недоверием крестьян: «Читаете-то вы хорошо, только толкуете-то всё в барскую пользу» (Кр., с. 91). В этих условиях власть старост и десятских над крестьянами, как писал Н.А. Крылов, «совершенно упала», а помещики желали скорейшего введения мировых посредников и волостных судов в целях

установления порядка и разгрузки предводителей дворянства от жалоб на плохую работу, порубки и неповиновение (Кр., с. 97–98). В целом, как это видно из приведенных выше воспоминаний, должностные лица и помещики Казанской губернии были плохо подготовлены к проведению Реформы. В первое время после ее начала крестьяне губернии находились в полном неведении о сути нововведений, что послужило причиной появления различных слухов и ложных интерпретаций Манифеста и Положения.

Согласно статистическим сведениям, в 1861–1862 гг. в 12 уездах Казанской губернии насчитывалось 3849 селений (ПКн1, с. 15), в которых проживали 1 434 213 крестьян, из которых 24 321 проживали в городах губернии. Структура крестьянского сословия к моменту начала реализации Реформы выглядела следующим образом: государственные крестьяне (1 164 887), удельные (36 188), временнообязанные (218 641) и временнообязанные дворовые (14 497) (ПКн1, с. 25–27). После опубликования Манифеста в уездах Казанской губернии начался процесс учреждения новых органов крестьянского самоуправления – сельского общественного управления, включавшего в себя сельский сход и сельского старосту, а также волостного управления, состоявшего из волостного схода, волостного правления с волостным старшиной и волостного суда.

Первые результаты учреждения крестьянского самоуправления в губернии отражены в отчетах генерал-лейтенанта Петра Федоровича Козлянинова (Об.Вол.), являвшегося губернатором Казанской губернии в первые годы после проведения Крестьянской реформы (с 24 января 1858 г. по 31 августа 1863 г.). Большая часть отчетов посвящена обзору следующих вопросов: слухи и беспокойства в крестьянской среде о возможных изменениях Положения, количество введенных уставных грамот, известия о полевых работах в уездах и др. Тем не менее отчеты губернатора, впервые вводимые в научный оборот, являются ценнейшим источником информации, поскольку, среди прочего, содержат сведения о состоянии волостного управления в нескольких уездах, о процессе адаптации крестьян к новым условиям осуществления совместного быта; в них представлен анализ деятельности должностных лиц крестьянского сословия, а также дана оценка деятельности органов волостного самоуправления. Отчеты, адресованные министру внутренних дел, составлялись в формате писем с описанием результатов ревизии, проведенной губернатором и членами Казанского губернского по крестьянским делам присутствия в период с июня по сентябрь 1862 г. Губернатор П.Ф. Козлянинов лично осуществил ревизию в Свяжском, Тетюшском и Чистопольском уездах. Составление отчетов о состоянии волостного самоуправления в других уездах было поручено членам Казанского губернского по крестьянским делам присутствия коллежскому советнику Владимиру Васильевичу Трубникову (Спасский уезд), подполковнику Ивану Павловичу Умову (Козьмодемьянский, Цивильский, Ядринский, Мамадышский и Лаишевский уезды) и титулярному советнику Григорию Михайловичу Толстому (Казанский уезд) (ПКн2, с. 7).

Начав с обозрения Свяжского уезда, П.Ф. Козлянинов высоко оценил деятельность волостных и сельских органов. В частности, губернатор отметил «довольно исправный» порядок ведения и хранения документов в волостных и сельских управлениях, что было обусловлено удовлетворительным выбором волостных старшин и сельских старост. Среди исследованных волостей Свяжского

уезда П.Ф. Козлянинов особенно выделил Косяковскую, Азелейевскую и Теньковскую волости, волостные старшины которых «разумны, дельны, прекрасно понимают свою обязанность и пользуются особенным уважением и доверием крестьян» (Об.Вол., л. 30). В то же время замеченные губернатором недостатки и упущения в организации деятельности крестьянского самоуправления рассмотренного уезда объяснялись неопытностью и неудовлетворительным выбором писарей. Следует заметить, что, согласно Общему положению, письмоводство и ведение книг в волостном правлении «под ближайшим надзором старшины» возлагалось на волостного писаря (ОП, с. 86). Указанное замечание губернатора, таким образом, свидетельствует об имплицитном восприятии волостных писарей в качестве лиц, фактически руководивших волостным правлением.

В отчете также обращается внимание на состояние волостного правосудия в Свяжском уезде. Анализ приговоров волостных судов уезда, как писал П.Ф. Козлянинов, показал, «что суждения крестьян и приговоры по проступкам делаются ими весьма здраво и правильно» (Об.Вол., л. 6 об.). В частности, описывая волостную юстицию в уезде, губернатор отметил следующие характерные черты, свидетельствующие о «не совершенно законном, но чрезвычайно логичном взгляде» (Об.Вол., л. 6 об.) крестьянского правосудия на имущественные споры. Так, при вынесении приговоров главное внимание волостного суда было обращено на то, чтобы обвиняемый не был разорен, поскольку в ином случае в силу круговой поруки обществу пришлось бы вносить за него подати и прочие финансовые повинности. Кроме того, у крестьян отсутствовало разделение понятий «труд» и «имущество». Поскольку имущество являлось положительным результатом труда, крестьяне губернии, например, не признавали главу семейства единственным владельцем имущества, так как труд других членов семьи способствовал к приобретению и увеличению этого имущества: «Крестьяне не признают единственным владельцем имущества главу семейства-отца, хотя бы имение и не было разделено, напротив участниками в оном признаются ими сыновья, зятья и даже некоторым образом члены семейства женского пола, на том основании, что они трудом своим способствуют к приобретению и увеличению имущества» (Об.Вол., л. 6 об.). В этом принципе, вероятно, выражалось распространенное в крестьянской среде так называемое «трудовое начало», о котором сообщали исследователи народной жизни. В частности, А.Я. Ефименко писала о «коренном» взгляде крестьян на труд как на основу собственности [3, с. 143].

Обзор организации деятельности органов крестьянского самоуправления в Тетюшском уезде также не выявил существенных недостатков. Несмотря на наличие некоторых упущений при ведении книг в силу «неопытности», губернатор признал действия волостных и сельских управлений Тетюшского уезда правильными. Примечательно, что, согласно свидетельствам губернатора, при ведении книг должностные лица тетюшских волостных правлений допускали больше ошибок, чем их коллеги из Свяжского уезда. Ревизор отдельно обратил внимание на удовлетворительный выбор должностных лиц и указал, что «из волостных старшин многие грамотные» (Об.Вол., л. 11).

В конце июля 1862 г. П.Ф. Козлянинов осуществил объезд волостей временнообязанных крестьян Чистопольского уезда. Как и в случае со Свяжским

и Тетюшским уездами, губернатор положительно оценил действия мировых учреждений, волостных и сельских управлений во всех трех участках уезда. В отчете губернатора содержатся сведения лишь об одном грамотном волостном старшине Чистопольского уезда. П.Ф. Козлянинов уточняет любопытную деталь: при меньшем числе волостей в Свяжском и Тетюшском уездах наблюдалось больше грамотных волостных старшин, чем в Чистопольском. Объяснение этому факту начальник губернии видел в «меньшей еще развитости временно-обязанных крестьян этого уезда» (Об.Вол., л. 16). По другим немаловажным критериям эффективности организации волостного самоуправления Чистопольский уезд также уступал аналогичным показателям в Свяжском и Тетюшском уездах. Так, лишь в первом участке Чистопольского уезда наблюдался «примерный» порядок управления и ведения книг, в то время как делопроизводство в оставшихся двух участках характеризовалось наибольшим количеством упущений и неисправностей в сравнении с другими проверенными губернатором уездами. Качество выбора должностных лиц крестьянского самоуправления в уезде также было подвергнуто критике. В целом выбор должностных лиц был охарактеризован как «удовлетворительный». В то же время начальник губернии добавил, что выбор сельских старост и волостных судей рассмотренного уезда менее удовлетворителен, чем волостных старшин (Об.Вол., л. 16).

Все замечания и наблюдения, собранные за время работы в Свяжском, Тетюшском и Чистопольском уездах, П.Ф. Козлянинов лично объяснял волостным старшинам, волостным судьям и сельским старостам в присутствии мировых посредников, а также циркулярно направлял во все волости. Закончив с анализом результатов учреждения новой системы местного самоуправления в Свяжском, Тетюшском и Чистопольском уездах, П.Ф. Козлянинов перешел к изложению сведений о других уездах, полученных от членов губернского по крестьянским делам присутствия. Характерно, что информация о положении дел в волостных органах власти в этих уездах не структурирована должным образом, зачастую поверхностна, а также содержит некоторые фактологические ошибки.

Как уже упоминалось выше, наибольшее количество уездов было проинспектировано членом присутствия И.П. Умовым. Опираясь на полученные от И.П. Умова данные о становлении волостной системы в Козьмодемьянском, Цивильском и Ядринском уездах, губернатор посчитал необходимым подчеркнуть, что крестьяне данных уездов «охотно» прибегают к рассмотрению дел в волостных судах, «безропотно покоряются» приговору суда, а решения суда исполняются ими «беспрекословно». Кроме того, отличительной чертой крестьянского правосудия на начальном этапе функционирования волостного самоуправления в этих трех уездах являлось редкое применение телесных наказаний. Одновременно с этим в отчете содержится критика волостных судей указанных уездов. Так, по мнению ревизора, они «отставали от других должностных лиц в знании своего дела» (Об.Вол., л. 22). Вероятной причиной, объясняющей данный факт, была названа слишком частая сменяемость волостных судей: «Они исполняют свою обязанность непостоянно, а сменяясь ежемесячно другими, так что судья, окончив свою месячную обязанность, вновь вступает в отправление деятельности только чрез три месяца и таким образом каждый из судей заседает в суде в продолжение года всего три месяца» (Об.Вол., л. 22).

Дело в том, что ст. 93 Общего положения позволяла волостному сходу самостоятельно определять очередь отправления должности волостного судьи: «Из избранных в числе от 4-х до 12-ти судей, должны выбывать, в назначенные сроки (как например: через два, четыре или шесть месяцев), не более половины, и затем выбывшие замещаются другими избранными судьями, по очереди» (ОП, с. 87). В результате утвердившейся практики организации волостного правосудия судьи сменялись каждый месяц, вновь вступая в должность только по прошествии трех месяцев. Таким образом, волостные судьи этих уездов не успевали получить опыт и навыки, достаточные для организации приемлемого уровня судопроизводства (Об.Вол., л. 22).

В противоположность волостным судьям волостные старшины рассмотренных уездов охарактеризованы как «люди очень толковые» (Об.Вол., л. 22). Отдельно подчеркивалось «уменье и способность крестьян вести свои мирские дела на сходе», которые решались «метко, верно, с большим тактом и знанием дела» (Об.Вол., л. 22). Делопроизводство в волостных правлениях также было обозначено как «удовлетворительное». Образцом аккуратного ведения книг и дел были названы Козловская волость и сельское управление. В других волостях были выявлены ошибки, связанные с неудачным выбором и наймом волостных писарей (Об.Вол., л. 28). В целом же, в отчете подчеркивается «укрепление» доверия крестьян к сельским и волостным правлениям (Об.Вол., л. 28). Преимущество Козловской волости над остальными составитель отчета видел в том, что волостное правление было учреждено в имении мирового посредника Чебоксарского уезда Дмитрия Николаевича Леонтьева (ПКН2, с. 10), чья «неусыпная деятельность и преданность крестьянской реформе в особенности выразилась в устройстве Козловского волостного и сельского управлений» (Об.Вол., л. 28). Однако губернатор допустил ошибку и перепутал название волости, поскольку в Казанской губернии не существовало волостных правлений с таким названием (Сп.Сел.) Вероятно, П.Ф. Козлянинов имел в виду волостное правление Богородской волости Чебоксарского уезда, которое располагалось в с. Беловолжском (Вол.Пр., с. 132). На это указывает то обстоятельство, что в собственности Д.Н. Леонтьева находились имения как в с. Беловолжском, так и в д. Козловка (Гус.).

В отчете отсутствуют сведения о работе волостных правлений в Мамдышском и Лайшевском уездах. Известно только то, что крестьяне «охотно» предоставляли решению волостного суда свои тяжбы. Более того, как отмечается в отчете, убежденность в справедливости и беспристрастности сельских учреждений выражали не только временнообязанные крестьяне уездов, но также представители других категорий крестьянства. Ревизор подчеркивает, что на рассмотрение в волостной суд предоставлялись «даже» семейные дела, что, по всей видимости, свидетельствует об относительно редком обращении крестьян в волостные суды с семейными спорами (Об.Вол., л. 40 об.–41). Анализ состояния волостного самоуправления в Казанской губернии ограничился в отчете еще более кратким выводом: «Волостное управление идет довольно исправно, хромает только один волостной суд» (Об.Вол., л. 42).

Таким образом, в первые недели после обнародования Манифеста крестьяне Казанской губернии в большинстве своем оказались в ситуации недостатка информации о характере введенных преобразований. Несмотря на то что к моменту

объявления Манифеста в Казанской губернии уже функционировала временная губернская комиссия по крестьянскому делу, информирование и разъяснение неграмотным крестьянам их новых прав и обязанностей, в том числе по организации и ведению волостного самоуправления, не проводились. В дополнение к этому рассылка копий Положения различным категориям должностных лиц была окончена лишь через месяц после обнародования Манифеста. В дальнейшем, однако, социальная обстановка в селениях губернии постепенно упорядочивается, на что указывают данные, изложенные в отчетах губернатора. Несмотря на ряд недочетов, работа волостных органов власти губернии в целом охарактеризована положительно. Основной причиной ошибок в ведении дел и организации делопроизводства названы неопытность сельских должностных лиц, и в частности волостных писарей. Наибольшее количество критических замечаний со стороны ревизоров пришлось на деятельность волостных судов. Однако выявленные недочеты в работе органов крестьянского правосудия не стали препятствием для роста и укрепления доверия крестьян к этим судебным органам. Правовому сознанию крестьян, согласно замечаниям П.Ф. Козлянинова, были присущи два элемента: недопустимость разорения обвиняемого в силу действия круговой поруки, а также признание за человеком прав на то или иное имущество в зависимости от вложенного труда, направленного на создание или накопление этого имущества.

Характеризуя непосредственно сами отчеты, следует заметить, что зачастую их составители не уделяли должного внимания вопросам организации деятельности новых органов крестьянского самоуправления и ограничивались лишь краткими комментариями, как в случае с волостным самоуправлением в Казанском уезде, например. Структура отчетов не выстроена в логическую последовательность, документ может содержать неточности фактологического свойства, а также отсутствуют сведения о волостных органах власти в Чебоксарском и Царевококшайском уездах. Как уже отмечалось выше, отчеты губернатора не были полностью сконцентрированы на проблеме волостного самоуправления. Существенная часть анализа посвящена уставным грамотам, земельным вопросам, крестьянским слухам и волнениям. Учитывая крестьянские волнения 1861 г., в том числе драматичные события в селе Бездна Спасского уезда, логично предположить, что для губернатора и министра вопросы установления правопорядка являлись более приоритетными, чем волостное самоуправление. Таким образом, преобладание в отчетах рассуждений губернатора о земельных, экономических и социальных аспектах Крестьянской реформы свидетельствует об отсутствии первостепенного интереса ревизоров, а также в конечном итоге министра МВД к ходу реализации Реформы в части учреждения и функционирования волостных органов власти. Тем не менее собранные губернатором и членами губернского по крестьянским делам присутствия данные позволяют воссоздать общее представление о состоянии волостного самоуправления в Казанской губернии в первоначальный этап реализации Крестьянской реформы.

Благодарности. Исследование проведено при финансовой поддержке Германского исторического института в г. Москве (DHI Moskau).

Источники

- ПСЗ2 – О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей: Манифест от 19.02.1861 // Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание второе: [С 12.12.1825 г. по 28.02.1881 г.]: в 55 т. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. – Т. 36, ч. 1. – 1863. – № 36490–37190.
- ОП – Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. – М.: Типо-лит. Кушнерева, 1899. – XLVIII, 317 с.
- Кр. – *Крылов Н.А.* Воспоминания мирового посредника первого призыва // Русская старина. – 1892. – Т. 74, № 4. – С. 81–102.
- ПКн1 – Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год. – Казань: Губерн. тип., 1862. – 540 с.
- Об.Вол. – Об обозрении волостей временнообязанных крестьян в Казанской губернии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 52. Ед. хр. 103. 44 л.
- ПКн2 – Памятная книга Казанской губернии на 1863 год. – Казань: Губерн. тип., 1862. – 225 с.
- Сп.Сел. – Список селений Казанской губернии: в 12 вып. / Оценоч.-стат. бюро Казан. губ. земства. – Казань, 1910–1914.
- Вол.Пр. – Волостные, станичные, сельские, гминные правления и управления, а также полицейские станы всей России с обозначением места их нахождения. – Киев: Изд-во Т-ва Л.М. Фиш, 1913. – 196 с.
- Гус. – *Гусаров Ю.В.* Леонтьевы // Чувашская энциклопедия. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=2307>, свободный.

Литература

1. *Спаский Н.А.* Очерки по родиноведению. Казанская губерния. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, Изд-во кн. магазина М.А. Голубева 1912. – 376 с.
2. *Чернышов Е.И.* Крестьянская реформа в Казанской губернии // Материалы по истории Татарии. Казань. – Казань: Татгосиздат, 1948. – Вып. 1. – С. 366–413.
3. *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. – М.: В.И. Касперов, 1884. – Вып. 1: Обычное право. – XVI, 382 с.

Поступила в редакцию
04.06.2019

Литвин Александр Алтерович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alexandr.Litvin@kpfu.ru

Митрофанов Тимур Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: timur.mitrofanov@gmail.com

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.35-43

**Volost Local Government in the Kazan Governorate during the First Year
Following the Implementation of the Emancipation Reform of 1861**

A.A. Litvin*, T.S. Mitrofanov**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *Alexandr.Litvin@kpfu.ru, **timur.mitrofanov@gmail.com

Received June 4, 2019

Abstract

The general state of volost local government in the Kazan Governorate at the initial stage of implementation of the Emancipation Reform of 1861 was analyzed. Besides, the social context of the period under study, as well as the attitudes and expectations among peasants were briefly described. The key features of local governance and administration of volost justice by peasants in the first year following the proclamation of the Emancipation Manifesto were defined. The research is based on the reports sent from June to September 1862 by P.F. Kozlyaninov, the Governor of the Kazan Governorate, to the Minister of Internal Affairs. The landlords and officials, who were responsible for the reform's implementation and clarification, were poorly prepared, which resulted in conflicts and misinterpretation of the Emancipation Manifesto. Despite the fact that the reform was implemented in the chaotic atmosphere during the first weeks and months, the analysis of the information from the Governor's report demonstrated the satisfactory condition of clerical work and organization of the volost local government during the first period of the implementation of the reform in the governorate. The major drawback of peasants' local government revealed by inspectors was the low level of quality of proceedings in the volost courts. However, this fact did not become an obstacle to the increasing popularity of the new body of justice among the peasantry.

Keywords: Kazan Governorate, Emancipation Reform of 1861, volost local government, township courts, P.F. Kozlyaninov

Acknowledgments. The study was supported by the German Historical Institute in Moscow (DHI Moskau).

References

1. Spasskii N.A. *Ocherki po rodinovedeniyu. Kazanskaya guberniya* [Essays on Native Studies. Kazan Governorate]. Kazan, Tipo-Lit. Imp. Univ., Izd. Kn. Magazina M.A. Golubeva, 1912. 376 p. (In Russian)
2. Chemyshov E.I. The Emancipation Reform of 1861 in the Kazan Governorate. In: *Materialy po istorii Tatarii. Kazan'* [Materials on the History of Tataria. Kazan]. Issue 1. Kazan, Tatgosizdat, 1948, pp. 366–413. (In Russian)
3. Efimenko A.Ya. *Issledovaniya narodnoi zhizni* [Studies on People's Life]. Issue 1: Customary Law. Moscow, V.I. Kasperov, 1884. xvi, 382 p. (In Russian)

Для цитирования: Литвин А.А., Митрофанов Т.С. Состояние волостного самоуправления в Казанской губернии в первый год реализации крестьянской реформы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 35–43. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.35-43.

For citation: Litvin A.A., Mitrofanov T.S. Volost local government in the Kazan Governorate during the first year following the implementation of the Emancipation Reform of 1861. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 35–43. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.35-43. (In Russian)